

XVI.

Послѣ обѣда, который былъ съѣденъ наскоро, во дворъ стали въѣзжать одинъ за другимъ экипажи. Никодимъ Павловичъ пріѣхалъ въ элегантномъ фаэтонѣ. Новенькая двумѣстная карета, запряженная парой бѣлыхъ лошадей, была нанята еще съ утра. Шаферовъ было нѣсколько человѣкъ. Всѣ мужчины были въ цилиндрахъ и свѣжихъ перчаткахъ. Нѣкоторые привезли невѣстѣ большіе букеты цвѣтовъ. Пріѣхали дѣвицы и также дамы, и въ ихъ числѣ Анна Николаевна Ворошилина, которая должна была быть посаженой матерью жениха.

Никодимъ Павловичъ выказывалъ несвойственную ему торопливость; цилиндръ онъ поставилъ на стулъ въ темномъ углу и чуть было не сѣлъ на него. Онъ поглядывалъ на дверь, откуда должна была выйти Раиса, и поминутно справлялся съ часами. Какая-то барышня прикалывала шаферамъ букетики среди сдержаннаго шума дамскихъ восклицаній и разговоровъ.

Наконецъ, невѣста вышла въ залу, но не черезъ ту дверь, откуда ожидали ее, а изъ сада, черезъ балконъ. Она была въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, и шлейфъ несла на рукѣ. Голова ея была убрана цвѣтами; на плечи спускалась легкая, какъ дымъ, длинная фата.

Раиса поздоровалась со всѣми, кто былъ въ залѣ. Барышни съ восторгомъ, молча, смотрѣли на ея платье, и у каждой крѣпко билось сердце. Анна Николаевна сказала:

— Душечка, Раиса! Вы очень эффектны! Но, Боже мой, какой вы еще ребенокъ!

Невѣста покраснѣла и потупила глаза.

Кто-то спросилъ:

— Который часъ? Не пора ли ѣхать?

— Пора, пора!—глухимъ голосомъ отвѣчалъ Прягинъ и заторопился.—Я поѣду впередъ съ этой иконой. Иванъ Ивановичъ возьметъ ту. Иванъ Ивановичъ! Оберните икону вонъ тѣмъ шелковымъ платкомъ. Только ликъ зачѣмъ же закрывать—ликъ пусть будетъ открытъ. Степанъ Михайловичъ повезетъ свѣчи...

Прягинъ суетился. Раиса смотрѣла на его безкровное лицо и думала: „Отчего онъ такой блѣдный?“

— Раиса! Вотъ Ѳеодоръ Игнатьичъ прислалъ подарокъ, — сказала Варвара Тихоновна.

Она раскрыла футляръ и, взявъ невѣсту за руку, надѣла ей тоненькій браслетъ съ двумя крупными, посаженными наискось,